6. Походка счастья.

Кузак шёл за женщиной в зелёном плаще – во всяком случае, он предполагал, что это женщина. Он боялся задать вопрос, да и вряд ли спутница говорит на его языке. Но всё же, скорее всего, это женщина.

Её грудь, как бы это сказать… Ну, в общем она была. И она была огромной. Ещё женщину можно было бы назвать рослой, но здесь, в Джессилэнде, хватало женщин, способных помериться ростом с любым мужчиной. Вот только… её лицо. Описать внешность женщины можно было бы многими словами, но слова «красивая» среди них определённо не окажется.

Опять же, цвет её лица – зеленовато-кремовый. Носа нет – ну, или вроде как есть, точнее, только ноздри. Рот, выставляющий напоказ зубы и дёсны. Красные глаза.

Она довольно-таки жуткая. Страшнее орка. Ах да, и зовут её, вроде бы, Янни.

Янни отвела Кузака в горы и, прошагав некоторое время, они подошли к какой-то постройке – наподобие горной хижины. Собственно, это и была хижина.

Возле хижины были сложены брёвна, обрубленные до одинаковой длины. Кузак вдруг осознал, что уже какое-то время слышит доносящиеся откуда-то звонкие удары. Кто-то валит лес. А это, значит, хижина дровосека?

Янни дёрнула подбородком в сторону штабеля. Она хочет, чтобы Кузак что-то сделал с брёвнами?

– Нет, нет. Не может быть, – пробормотал он. Кузак изобразил, как взваливает на плечо продолговатый предмет, и качнул головой в ту сторону, откуда они пришли: – Вы хотите, чтобы я их перенёс? В деревню? Так?

Янни кивнула.

Кузак указал на себя:

– Я? В одиночку?

– А? – Янни склонила голову набок.

– Эм, ну, не знаю, как это сказать, но это дело… Эта работа… Ну, я буду работать один? Вы же видите, тут довольно много брёвен… Штук сто, или даже больше? И они вроде как немаленькие, да? Не уверен, что смогу нести их один…

Янни слушала, не перебивая, но как только Кузак замолчал, она снова дёрнула подбородком в сторону брёвен, словно приказывая – «За дело».

Кузак повесил голову.

– Ну да, ну да. Не поспоришь. И ведь я и так вымотан до предела, а тут ещё и таскать тяжести…

Янни с громким звуком втянула воздух сквозь сжатые зубы. Видимо, хотела припугнуть. Что ж, получилось.

– Ладно, я сделаю, – Кузак пожал плечами, кивнул.

– Уора.

– А? Что? Что это значит?

– Уоуф.

– Нет, не понимаю. Но, наверное, это значит «пошевеливайся», или что-то такое. Да, да, я сделаю. Ну, девушкам ведь нельзя поручать такую работу, а у Энбы-куна только одна рука.

– Ниак.

– Хорошо! Я же сказал, сделаю! – Кузак шагнул к горе брёвен. Он хотел подбежать, но тут в животе громко забурчало, ноги ослабли, и он пошатнулся.

А, проклятье. Сейчас упаду. Силы уже на исходе.

Кое-как ему удалось не упасть, но не в состоянии дальше стоять на ногах, Кузак присел на корточки.

– О-о-о… Что это? Перед глазами всё плывёт. О-о. Ого…

– Руа? – к нему подошла Янни, она вглядывалась в его лицо. Янни выглядела всё так же пугающе, но теперь в её взгляде угадывалось что-то, напоминающее тревогу.

– Я, ну… вроде как держусь из последних сил. На последнем издыхании… А, это ведь одно и то же? Давно ничего не ел. Наверное, мне не стоит это говорить, но…

Янни вздохнула и, пошарив у себя в плаще, извлекла какой-то свёрток и протянула Кузаку.

Что-то, завёрнутое в плотный лист?

– О-о. Спасибо, – произнёс Кузак, принимая свёрток. Он поднёс подарок к носу и…

Это.. Сложно сказать, но по запаху вроде похоже на хлеб. Рот тут же наполнился слюной.

– Э-это.. Еда?

Янни отвернулась, словно в смущении и, помолчав, тихо произнесла «Уора». Возможно, Кузаку уже начало мерещиться с голоду, но… Она сейчас выглядит немного мило? Ну, да, у Янни страшное лицо, но она не плохой человек?.. Хотя она ведь вообще не человек.

Кузак развернул свёрток. Внутри обнаружились плоские коричневатые предметы, что-то среднее между хлебом и оладьями. Три штуки. Он схватил одну и жадно вгрызся.

– О!

Внутри. Внутри этих лепёшек обнаружилась какая-то начинка – что-то похоже на мясо, с кисло-сладким вкусом.

Что до теста, из которого испечены эти хлебцы, или оладьи, или что они такое, то его вкус довольно невыразительный, но оно плотное и питательное, и…

Чудесно. Это чудесно.

Вкусно – если одним словом, но так вкусно, что Кузак не мог подобрать слов. Возможно, не будь он так голоден, то лепёшки не показались бы ему чем-то особенным, но сейчас они были просто восхитительны. Казалось, стоило жить ради одного этого вкуса. Ради этого чудесного вкуса, от которого словно сами собой готовы политься слёзы и закапать изо рта слюна.

Вкусно. Вку-у-у-усн-о-о-о-о… Как же вкусно.

Кузак осознал, что против своей воли откусывает от лепёшки кусок за куском, всхлипывает, набивая рот. Не плачь, приказал он себе, но и корить себя за слабость в этот момент не мог.

Наконец, Кузак проглотил последний кусочек этих хлебцев – или оладий. В его голове разлилось цепенящее чувство счастья и сытости. Его веки и ноздри трепетали.

Как же я хочу ещё. Прямо сейчас я бы съел сотню этих лепёшек. Ну, мечтать не вредно, и теперь я могу шевелиться.

– Янни-сан, – Кузак улыбнулся своей спутнице. Точнее, улыбка сама собой расплылась на лице, – Спасибо. Было очень вкусно. Вы спасли меня.

Янни на мгновение встретилась с ним глазами и тут же отвернулась. Она бросила несколько слов – что-то вроде «нуан» и «уакундаво», что-то, что Кузак не понимал. Она злится? Непохоже.

Сложно. Понять представителя другой расы нелегко.

Кузак поднялся. Его доспехов на нём не было – он снял их и оставил в деревне. И, само собой, щита и меча при нём не было тоже. Он посмотрел на брёвна.

– Кто не работает, тот не ест…

Они с Джесси заключили уговор. Джесси не убивает Кузака и его товарищей, предоставляет им еду, воду и ночлег – но всё это придётся отработать. Вдобавок Джесси поставил ещё одно условие:

«Я не позволю вам уйти отсюда. Из Джессилэнда.»

Харухиро был у него в заложниках, а остальные – связаны, так что выбора не оставалось.

Вообще-то говоря, выслушав условия Джесси Кузак подумал – «Что, и это всё?». Он ожидал, что от них потребуют чего-то худшего, чего-то опасного для их команды. Им дадут еду, воду и жильё. Чего ещё желать?

Но когда пришло время браться за работу, и Янни приказала ему приступать, необходимость оставаться в Джессилэнде перестала казаться чем-то несущественным. Одно дело смириться с ограничением свободы как с временным неудобством, но как долго им придётся оставаться в деревне? Может, навсегда? Навечно? Значит, им придётся жить тут до самой смерти? И они никогда не вернутся в Ортану?

Кузак подошёл к штабелю. Поднял одно бревно. Тяжеленное. И длинное. Впрочем, пожалуй, он сможет его унести. Кузак, крякнув, взвалил ношу на плечо – бревно колыхнулось, и он пошатнулся.

Янни фыркнула.

– Послушайте, Янни-сан, не смейтесь. Я просто не освоился. Мне нужно только приноровиться, и всё будет отлично. Вот увидите.

Наверное, дело в центре тяжести. Кузак попробовал передвинуть бревно на плече. Всё прошло, как он и рассчитывал – его груз почти перестал качаться.

– Ну вот, видите?

Янни хмыкнула.

– Что?.. Я-то думал вы ничего, а вы вот так со мной? Ну ладно. Мне просто нужно работать, так? Я сделаю всё что нужно. Ну, вперёд. Вы идёте? Впрочем, я не убегу и не стану отлынивать даже без присмотра.

– Уора.

– Да, да. Это значит «иди», или «приступай», или что-то в этом роде, да? Это ваше «уора». Даже такой дурак как я уже понял.

– Уоуф.

– Поторопиться? Конечно. Как скажете.

Кузак зашагал с двухметровым бревном на плече.

Как далеко от деревни до этой хижины дровосека? Минут тридцать ходьбы? А с бревном, наверное, путь займёт ещё больше времени. И сколько раз придётся повторить этот маршрут сегодня? От таких мыслей начинала кружиться голова.

Янни шла за Кузаком по пятам.

Если вот сейчас махнуть бревном… Нет, такие мысли ни к чему не приведут. Даже если ему удастся одолеть Янни и сбежать, потом-то что?

– И вообще Янни-сан, кажется, вовсе не злая… – пробормотал он себе под нос.

Не только Янни, но и остальные обитатели Джессилэнда выглядели в глазах Кузака неприятно – но, наверное, только по человеческим меркам. Но всё же, даже по сравнению с другими расами – кобольдами, орками или гоблинами – местные выглядели очень неприятно. Хуже них, может, разве что нежить – но те вообще не воспринимаются как живые существа.

Может, они и получше чем разношёрстные расы Дарнггара, но всё же жутковаты. По крайней мере, внешне. Насчёт их характера Кузак был не уверен.

Те, кто работали в полях, похоже, были безоружны и напоминали обыкновенных крестьян. Другие, носящие зелёные плащи, были крепко сложены и носили оружие, но тоже не выглядели воинственно.

По их движениям было видно, что они в хорошей физической форме. Должно быть эти «зелёные плащи» прошли через какие-то тренировки, но они больше похожи на охотников, а не воинов. Джесси вроде говорил, что был Охотником, так что, может, это он обучил местных жителей.

Кузаку хотелось задать Янни много вопросов, но сейчас это невозможно.

– Да и какой толк от этих размышлений? – пробормотал он.

Поначалу удерживать бревно ровно не получалось и идти было тяжело, но Кузак быстро приноровился и теперь шагал быстро и уверенно. Такой простой труд всегда его ободрял – видимо, он всё же больше годится на то, чтобы работать руками, а не головой.

Каждый раз, наблюдая за Харухиро и Шихору, Кузак думал – насколько же ограничен его кругозор. Если перед ним враги, он может придумать, как справиться с ними. Это он может спланировать, но если попробовать, например, предугадать, что будет год спустя - такое ему даже не представить. Да какое год, он и на месяц-то вперёд загадать не может.

Ему нелегко ухватить детали будущего даже на расстоянии десятка дней. Завтра, послезавтра – вот его предел.

У него плохо получалось подмечать все мелочи. Он старался изо всех сил понять своих товарищей, думать о них, но то, что происходит в головах девушек было за пределами его понимания.

Юме всегда такая рассеянная, что в это попросту не верится. Но с ней весело, так что в этом нет ничего плохого. Шихору как будто бы видит всех насквозь, и поэтому она немного страшная.

Но всё же, Шихору-сан, а как же ты сама? Всегда думаешь про команду, команду, и только про команду. Ты уверена, что тебе самой не нужна помощь? Впрочем, он не смог бы задать ей такой вопрос при всём желании.

Сетора – ну, она, вероятно, вообще не видит в Кузаке человека. А что до Мэри…

После всего, что было, он не мог не думать о ней и постоянно ловил себя на взглядах в её сторону, на наблюдении, как она ведёт себя в той или иной ситуации.

Вроде той.

Да.

Когда она лечила Харухиро.

Впрочем, Кузак и раньше подозревал.

В том, что Мэри тревожилась за Харухиро, не было ничего странного. Харухиро ведь их предводитель. Также Кузак осознавал, что Мэри уважает Харухиро. Уважает? Звучит как-то формально. Почитает? Нет, ещё хуже. Тогда как? Ну, она высоко оценивает его навыки и доверяет ему – как-то так?

– Ну, я ведь и сам ему доверяю, – пробормотал Кузак.

Что ни говори, но Харухиро спас его. Без Харухиро Кузак не стал бы тем, кто он сейчас.

В этом, наверное, его секрет? Харухиро не кричит ни на кого, не приказывает делать то или это. Он служит примером. Не то, чтобы Кузак хотел стать таким же как Харухиро – это ведь просто невозможно, так? Но за Харухиро хотелось следовать. Поддерживать его.

Потому что Харухиро трудится больше всех. Это даже не столько подстёгивало Кузака, сколько само собой заставляло подумать – я должен стараться сильнее. Ну, вроде, что можно сделать и

больше, правда? Я должен смочь. Харухиро ведь может. У нашего лидера сонный взгляд, он совершенно обычный человек, а не какой-то герой, но всё же он поразителен.

И Мэри наверняка чувствует то же самое. Но только ли это?

Кузак не привык хвастаться, но у него неплохое чутьё на такие вещи. Может, не такое острое как женская интуиция, но всё же у него хороший нюх на романтику. Вот почему он подозревал.

Ну, это ведь было понятно. Когда Сетора льнёт к Харухиро, Мэри ведёт себя как-то странно. Временами кажется, что вот-вот сорвётся.

Впрочем, пожалуй, даже если бы у неё и не было каких-то чувств к Харухиро – они всё же товарищи по команде, а он – предводитель. Даже если бы Сетора не возникла вот так, будто из ниоткуда, уже одно то, что ещё совсем недавно полностью чужая им женщина вдруг забирает Харухиро себе, наверняка неприятно девушкам команды.

Если бы Юме или Шихору вдруг сошлись с каким-то парнем, про которого Кузак никогда не слышал, он, наверное, тоже был бы несколько недоволен. Нет, он конечно порадовался бы за них, поддержал их выбор и со временем смирился, но всё же какое-то время его грызло бы какое-то невнятное чувство неприязни, пусть и не достигающее уровня настоящей ревности.

Особенно для их команды. Они ведь провели столько времени в Дарнггаре, когда единственными людьми рядом были лишь товарищи по команде. Их наверняка связывают сильные узы. Дело в этом?

Что-то вроде – «да, можешь встречаться с моей старшей сестрой, только не смей заигрывать с ней при мне, а если обидишь её, пеняй на себя»?

Вот что чувствует Мэри?

Кузак взвесил в голове эту мысль.

Но нет, пожалуй, не так?

Ну, это же видно.

Она по-настоящему ревнует, так? Сильно, почти яростно?

С другой стороны, может, собственные чувства Кузака к Мэри, от которых он до сих пор не смог полностью избавиться, заставляют его смотреть на ситуацию именно так. Пожалуй, однозначного подтверждения его подозрениям всё же нет.

Но всё-таки..

Мэри тогда использовала Чудо Света, чтобы исцелить Харухиро, и протянула к нему руку. Выражение лица Мэри в тот момент неизгладимо впечаталось в память Кузака.

Она свела брови, её глаза сузились, а губы приоткрылись, как будто она хотела что-то сказать, но не могла решиться. Словно всё её существо тянулось к Харухиро – а может, она пыталась притянуть его к себе изо всех сил.

Как же она была красива в тот момент. Кузаку оставалось лишь от всей души порадоваться за неё. Всё хорошо, Мэри-сан. Это наверняка было тяжело. Ты так хотела вылечить Харухиро,

вылечить как можно скорее. Наверное, это было словно идти по острым иглам. Так больно, как будто ты была ранена сама. Я рад за тебя, правда. Наконец-то тебе позволили исцелить его. Ну, мы ведь товарищи. А он ещё и наш предводитель. Так что это само собой разумеется, так? Тебе было так тяжело, но теперь всё позади.

Но только ли это?

Попросту говоря, Мэри-сан, ты, наверное, влюблена в Харухиро. Мысль не принесла раздражения – скорее, некое частичное удовлетворение.

Кузак мог бы попытаться отбросить её как невозможную – но не сделал этого. Лицо Мэри в тот момент убедило его.

Так вот оно что? Понятно. Да, теперь всё ясно. Вот в чём дело. Да, да, теперь очевидно. Теперь-то конечно легко говорить, но, пожалуй, я и раньше это знал.

Но что насчёт Харухиро?

Что ж, речь не о какой-то там обычной женщине, а о Мэри-сан. Если спросить, нравится она ему или нет, то он наверняка ответит «нравится». Даже наш тихий и неразговорчивый Харухиро, так ведь? Нет, в этом конечно нет ничего плохого – он просто очень серьёзный. И это также значит, что даже если он и влюбится в Мэри, то вряд ли сможет признаться ей в этом. Харухиро ведь ещё и довольно застенчив. А ещё они товарищи. Даже если он осознает – «Мэри прекрасна, я люблю её», то скорее всего сдержится. Любовь или товарищество. Что для него главнее? Для Харухиро – последнее.

Но почему не выбрать и то и другое?

Но об этом может подумать Кузак, а Харухиро вряд ли придёт в голову такая удобная мысль. Должно быть, это отчасти то, что делает Харухиро – Харухиро.

И Мэри очень похожа на него.

Понятно, к чему это ведёт. Та ещё проблемка, а?

Если все в их команде дружно заявят – ну ладно уж, раз вы двое так любите друг друга, то просто станьте уже парой, то Кузаку, наверное, будет непросто это принять, но всё же Мэри ведь будет встречаться не с тем идиотом Рантой. И не с каким-то смазливым пустышкой.

Раз её парнем будет Харухиро, то Кузак сможет удержать в узде свою ревность и пожелать им счастья. Это не будет ложью, он скажет это от чистого сердца. Собственно, Мэри ведь прямо отвергла его, так что у Кузака нет даже права на ревность, но тут уж дело в его чувствах.

И всё же, даже если их любовь взаимна, они просто не смогут быть вместе.

Ни один не признается, не скажет другому – «я люблю тебя». Похоже, они просто не смогут. Хотя, может быть, им и необязательно облекать это в слова – может, между ними как бы проскочит искра, и тогда...

Нет, тоже вряд ли. Даже если они и любят друг друга, то скорее всего просто не будут делать ничего и только заставят всех вокруг тревожиться за них.

Кроме того, есть ведь ещё Сетора. Она, похоже, настроена по отношению к Харухиро очень

серьёзно. И в сто, нет, в десять тысяч раз напористее Мэри, так что одной ночью может просто забраться в его постель. И тогда Харухиро вряд ли сможет отвергнуть её. Он ведь очень старательный. Если она напомнит ему про договор, то он вполне может подчиниться.

И тогда могут появиться дети. Может, придётся воспитывать их здесь, в Джессилэнде.

Мэри нравится всё милое, так что, возможно, она обрадуется детям больше чем можно ожидать.

Что ж, с этим тоже можно жить и, возможно, когда-нибудь Мэри сможет со смехом вспомнить о своей ревности – но сможет ли? Каково ей будет смотреть, как отношения Сеторы с Харухиро развиваются и крепнут? Не причинит ли ей это ужасную боль? И не просто один раз, а постоянно, долго?

Это было бы жестоко.

Слишком жестоко.

И всё же, Мэри со временем вполне может сдаться, принять случившееся, пожелать Харухиро счастья – пусть ей и придётся надломить себя ради этого.

Это... Точно, вот оно что, понял Кузак. Над ней, можно сказать, словно нависла какая-то тень. Мэри будто что-то гнетёт. Не знаю, что. Может, потому что она, Жрец, позволила погибнуть своим товарищам? Как будто она в каком-то смысле поставила на себе крест.

Кузака это тревожила. Он желал Мэри счастья. Желал, чтобы она всегда улыбалась – и, если возможно, благодаря ему.

Но я не справился, подумал он.

Мы товарищи. Не стоит вступать в такие отношения с членами своей команды. Я сейчас не могу думать о любви – вот что сказала Мэри Кузаку, отвергая его. Вряд ли она лгала, но, наверное, о чём-то умалчивала.

Попросту говоря, Кузак ей не пара. С точки зрения Мэри он ещё слишком похож на ребёнка, и она не видит себя его девушкой. От разговора с Шихору у него осталось похожее впечатление – короче говоря, он смирился с позицией кого-то вроде младшего брата.

Похоже, от женщин он ждёт, в первую очередь, заботы. Опеки.

Что за ничтожество. Понятно, почему Мэри не сможет довериться ему.

Но что насчёт Харухиро?

По крайней мере, он очень ответственный. И предупредительный. Ну, у него мягкий характер. С ним может быть не очень весело, но в этом есть свой странный уют. Даже когда они с Харухиро спали плечом к плечу в одной палатке, это не было неприятно. Харухиро из тех, с кем легко.

И это, наверное, хорошо сочетается с характером Мэри.

А как отреагируют Шихору с Юме, если Харухиро с Мэри станут парой? Удивятся, наверное, но вряд ли будут против. Они, наверное, будут рады за них и пожелают им счастья.

Эврика!

А почему бы не свести этих двоих вместе?

Сами по себе они так и будут топтаться на одном месте. А значит, другие должны подтолкнуть их друг к другу. Можно попросить Шихору помочь – вряд ли она откажет.

Да, я всё ещё люблю Мэри, но у меня нет ни шанса. И я могу доверить Мэри Харухиро.

Да, я не имею права так говорить, но это гораздо лучше, чем если бы Мэри досталась кому-то ещё. Я, конечно, не хочу видеть, как она заигрывает с кем угодно, и с Харухиро тоже, но если эти двое будут счастливы, то я смогу стиснуть зубы и смириться.

Вот только есть одна проблема…

Шуро Сетора.

Она стоит на пути.

– Ну и что тут можно-а-а-а?!

Задумавшись, Кузак наступил в углубление и покачнулся. Бревно резко пошло вниз, один конец ударился о землю.

– Ау! – окрикнула Янни.

– А-ай… – Кузак торопливо подхватил ношу обратно на плечо.

– Шейва! – бросила Янни. Это, должно быть, означало – «соберись!»

– П-простите! Я буду осторожен, извините!

Кузак обернулся и едва не потерял равновесие снова.

– Уайнеа… – пробормотала Янни. «Безнадёжен», прочитал по её тону Кузак.

http://tl.rulate.ru/book/94792/3236432